

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ БУКВАЛИЗМА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Процесс перевода или «переведение» - это скрупулезный и в то же время увлекательный поиск варианта перевода. Он состоит из трех частей:

- зрительного восприятия;
- осмысления и анализа понятого;
- воспроизведения на другом языке путем последовательной подстановки вместо единиц оригинала эквивалентных единиц языка перевода.

И.С. Алексеева называет этот этап переводческой деятельности аналитико-вариативным поиском, поскольку правильный выбор между различными вариантами перевода связан с умением анализировать переводческую проблему и сопоставлять значения каждого соответствия с конкретным контекстом [1; 2]. В этом плане, с точки зрения преподавания письменного перевода, важно показать студентам, особенно на начальном этапе обучения, необоснованность или неуместность тех или иных переводческих решений или «переводческих предательств». Типология переводческих ошибок и причин, их вызывающих, широко обсуждаются в современной переводческой критике [6; 7; 11]. Поэтому обращение в рамках данной статьи к этому аспекту общеобразовательной подготовленности переводчика и его ответственности за продукт своего творчества представляется нам актуальным и обоснованным.

Любой перевод, как правило, начинается с буквальной подстановки и основная задача переводчика - путем трансформации или корректировки буквального перевода (там, где это необходимо) научиться приходить к оптимальному варианту, постепенно преодолевая интерферирующее влияние исходного текста (ИТ).

Вот как об этом пишет «мэтр» отечественного переводоведения А.Д. Швейцер, комментируя опубликованные Р. Хартманом черновые варианты перевода романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» на английский язык: «Эти материалы дают возможность проследить процесс порождения конечного текста на его основных этапах. Исправления, которым переводчик подвергал текст, соответствуют общей стратегии преодоления буквализмов и нахождения оптимального варианта, в наибольшей мере соответствующего данной коммуникативной ситуации. Ярче всего это прослеживается в переводе названия романа (*Im Westen nichts Neues*). Первый вариант (*No News in the West*) - явный

буквализм. Учет прагматических факторов, и, в частности, установки на английского адресата, потребовал отказа от буквального перевода. Ведь для читателя-немца *Im Westen nichts Neues* - привычное клише из официального военного коммюнике. Поэтому переводчик предпочитает трансформированный вариант *All Quiet in the West*, соответствующий устойчивой формуле, принятой в английских сводках. Однако и этот вариант нуждается в корректировке. Ведь словосочетание *in the West* едва ли вызовет у английского читателя ассоциации с западным фронтом кайзеровской Германии. Так рождается окончательный вариант: *All Quiet on the Western Front*» [15, 24-25].

Переводческая интерференция создает впечатление неестественности, искусственности языка, стиля и текста, придает последнему чужеродный «акцент». Переводчик действует по закону аналогии: «весело шагая по просторам» текста, он неосознанно, автоматически переносит лингвистические свойства оригинала в текст перевода, нарушая при этом нормы языка перевода. Понятно, что любое отступление от нормы снижает качество перевода, а следовательно и восприятие текста, вызывает у читателя недоверие к автору и неприятие текста и его содержания: «Всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст или отрезок текста приведут если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности и неясности. Это то, что может быть названо «переводческим стилем» или, как иногда говорится, «переводческим языком» [13, 179]. Сколько раз приходилось слышать от разных людей нелестные отклики о произведениях Ч. Диккенса - де трудно читать, длинные, запутанные предложения, сухие фразы. Но дело-то не в писателе, который по праву носит звание великого (читайте оригинал), а в переводе, вернее, переводах - 30-томное собрание сочинений Ч. Диккенса переводили в основном представители так называемой формалистической школы перевода, возглавляемой Е. Данном. И насколько легко, интересно и запоминающе читается тот же Диккенс в переводах О. Холмской, Н. Дарузес, Е. Калашниковой, М. Лорие - представляющих противоположную кашкинскую школу перевода. Во многом благодаря переводчикам этой школы мы восхищаемся произведениями Э. Хемингуэя, Б. Шоу, Д. Стейнбека, М. Твена, О. Генри и многих других. Очень хочется поделиться ярким сравнением двух переводов - буквального и художественного - сказки «Маугли» Р. Киплинга, которое дает Н. Галь в книге «Слово живое и мертвое»:

«Вот на первой же странице появляется шакал Табаки. В том буквальном переводе он *маленькая тень с пушистым хвостом*. Очень мило,

так может выглядеть и котенок. Н. Дарузес для эпитетов *little* и *bushy* выбрала другие слова: *низенькая* тень с *косматым* хвостом, сразу ощущаешь другой облик и характер. Шакал - блюдолиз, вовсе он не симпатичен. Он не просто визжит, как в прежнем переводе, а *хнычет* (*whine*). Он прибедряется: для такого *ничтожества*, как я (*for so mean a person*), и голая кость целый пир. В старом переводе С. Займовского (М., 1934) - для такой *ничтожной особы!* Слова не просто не сочетаются, они воюют друг с другом, а все потому, что буквалист втащил в русский текст *person* в первом значении!

С. Займовский точно копирует сложный строй английской фразы, да еще вставляет кое-что лишнее. Выходит казенно, громоздко: Когда вождю Стаи *случается* промахнуться на охоте, *то* его называют Мертвым Волком *все время*, пока он живет, что *длится, впрочем*, недолго. Еще и прибавлено тяжести, выделенных слов в подлиннике нет! У. Н. Дарузес сжато, свободно и естественно, «от противного», безошибочно выбранным речением: Когда Вожак Стаи *унустит свою добычу*, его называют Мертвым Волком *до самой смерти, которой не приходится долго ждать* [5, 293].

Итак, как же бороться с этим, пожалуй, самым опасным врагом переводчика? Арсенал средств разнообразен и индивидуален, перечислим лишь некоторые из них.

* Переводчику, особенно начинающему, очень важно научиться анализировать каждый свой шаг, комментировать свои действия и объяснять их причину.

* Читать оригинальную литературу разных жанров, читать и сопоставлять данные двуязычных словарей, овладевать языком, научиться мыслить на другом языке, чтобы «перейти» в другую языковую картину мира (ср. *to drink till all is blue* - допиться до белой горячки; *to drink like a fish* - пить как сапожник, *to drink till pink elephants* - допиться до белой горячки / белочки).

* Овладевать тонкостями родного языка, читать литературу разных жанров.

* Изучать литературу по теории и практике перевода, сравнивать оригиналы и переводы коллег по цеху.

* Развивать навык выражения (прежде всего на материале родного языка) одного и того же содержания в различных языковых формах с помощью различных языковых средств и грамматических структур, т.е. навык синонимической гибкости (*Joy is different for everyone* - Счастье каждый понимает по своему. У каждого свое понятие о счастье. Радость у каждого своя и т.д.)

* Ни в коем случае, особенно на начальном этапе своей деятельности, не пользоваться машинным переводом. Иначе перевод будет в лучшем случае посредственным, в худшем - нелепым и смешным.

* Если перевод звучит неестественно, неуклюже, искусственно, полезно отложить текст оригинала в сторону и изложить смысл фразы на языке перевода, переведя фразу вслух, по памяти.

* Если выбранное соответствие не «укладывается» в текст, противоречит другим частям текста, нарушает логическую последовательность изложения, то следует подыскать другое, а не подгонять под него все остальные.

* Если можно решить переводческую проблему более просто, не надо искать сложных путей. Иногда и буквальный перевод является единственно верным. Не следует пытаться *обязательно* все перефразировать, изменить, перестроить.

* Набираться опыта на практике, набивая переводческие шишки, учась на чужих и своих собственных ошибках.

На ошибках стоит остановиться подробнее, поскольку начинающий переводчик (как впрочем, и профессионал), сталкиваясь с практическими трудностями при переводе, обращается не столько к теории, сколько к чужому опыту (или уже имеющемуся своему). Результатом таких ошибок являются искажения, неточности и неясности и обусловлены они чаще всего:

- 1) недостаточным знанием языка и культуры оригинала;
- 2) недостаточным знанием предметной ситуации;
- 3) нежеланием или неумением вникнуть в идейный смысл произведения, в особенности индивидуального стиля автора;
- 4) недостаточным владением языком перевода;
- 5) невнимательным, пренебрежительным, бестактным отношением к тексту.

Ошибки, вызванные первыми тремя причинами, обычно происходят на этапе понимания, остальные - на этапе перевыражения. Что из этого получается - об этом речь ниже.

В 1999 году вышел в свет новый перевод книги Алана А. Милна «Вини-Пух», выполненный В. Вебером и Н. Рейн. Вообще появление новых переводов уже переведенных произведений - вполне естественный и закономерный процесс. Не стало исключением и это произведение, известное и любимое нами всеми с детства в переводе-пересказе Б. Заходера. В 1996 году издательство «Моимпекс» выпустило англо-русского «Вини-Пуха» с параллельным английским и русским

текстом Т. Ворогушина и Л. Лисицкой. В том же году В. Руднев и Т. Михайлова проделали еще один «головокружительный эксперимент» с текстом А.А. Милна, назвав книгу «интеллектуальным бестселлером» и проанализировав с самых разных сторон: соответствующие разделы носят названия «Мифологизм», «Сексуальность», «Перинатальный опыт», «Пространство и время», а библиография включает такие имена, как Фрейд, Витгенштейн, Лотман, Бахтин. (Интересно, что стилистическим ключом в переводческой стратегии этих переводчиков стало следование прозе зрелого Фолкнера).

Все эти переводы, так и не ставшие фактом русской культуры, справедливо подвергались критике за неоправданную произвольность или наоборот слепое копирование оригинала, непонимание индивидуально-авторского видения, небрежности и неточности. Вот как об этом пишет автор ряда статей и переводов А. Борисенко в рубрике «Трибуна переводчика» журнала «Иностранная литература»:

«Итак, Виктор Вебер берется за осуществление своей благородной миссии. При этом он очень зависим от заходеровского перевода - с одной стороны влияние предшественника видно невооруженным глазом, с другой - Вебер изо всех сил старается сделать «не так, как у Заходера», что связывает ему руки во многих отношениях. Иногда В. Вебер может претендовать на «большую точность»: скажем, «Мишка со Слабеньким Умишком» - более точный перевод английского "*bear with very Little Brain*", нежели заходеровский «Медведь с опилками в голове». Правда по-русски в «мишке со слабеньким умишком» неприятно и неизбежно слышится «слабо-умие», но чего не сделаешь ради торжества истины.

Во многих случаях В. Вебер вообще игнорирует каламбуры и идиомы. Возьмем диалог между Пухом и осликом Иа-Иа... У Вебера одна из реплик ослика звучит так: «Веселиться. Петь и... танцевать. Водить хороводы вокруг шелковицы».

Это практически дословный перевод оригинала. Но по-английски и "*here we go round the mulberry bush*" - припев, сопровождающий детскую игру-хоровод; кроме того, это выражение может означать «ходить вокруг да около». По-русски же выражение «куст шелковицы» в данном контексте лишен смысла.

В. Вебер вообще не слишком стремится использовать ресурсы родного языка для какой бы то ни было словесной игры.

...В заходеровском переводе перепуганный Пятачок вопит не помня себя:

Караул! Караул! <...> Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! <... > Караул! Слонастыйужопотам! Караул! Потасный Слоноужам! Слоноул! Слоноул! Карасный Потослонам!

Вебер тоже вынужден исполнить этот языковой трюк, но если Заходер, вслед за Милном, искусно жонглирует *тремя* словами («караул», «ужасный» и «Слонопотам» - в оригинале "*help*", "*horrible*", "*Heffualump*"), то Вебер, как неумелый жонглер, ограничивается лишь двумя, да и с ними управляется не сказать чтобы виртуозно:

На помощь! На помощь! <...> Хоботун! Здесь ужасный Хоботун! <... > На помощь! На помощь! Хоботун! Ужасный Хоботун! Там! Там! Страшный Хоботун! Старший Хобошум!

Ну что ж, «Минздрав рекомендует»: по крайней мере, вашему ребенку не грозит опасность захлебнуться от смеха...» [4, 261-262].

Сам Б. Заходер, который назвал свои переводы пересказами за довольно многочисленные отступления от оригинала, в предисловии к переводу книги Л. Кэрролла "*Alice in Wonderland*" так писал о степени вольности переводчика: «Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Аленка в Вообразии», или «Аня в Удивляндии», или «Алька в Чепухании». Ну, уж на худой конец, «Алиска в Расчудасии»... Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!... Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь» [10, 484]. Кстати, следование сильной переводческой традиции, тем не менее, не ... спасло этот далеко не самый лучший перевод Б. Заходера от русификации, от не всегда оправданных изменений авторского замысла произведения. Об этом - цитата из информационно насыщенной, интересной и полезной статьи той же А. Борисенко, опубликованной в сборнике «Альманах переводчика»:

«Б. Заходер - известный детский поэт и переводчик, его перу принадлежат блестящие переводы «Вини-Пуха» и «Мэри Поппинс». Однако «Алиса» не стала его удачей. Перевод этот рассчитан на детскую аудиторию, в меру анахроничен и облегчен... Сентиментальности просто не остается места в веселых сказках «рассказанных» Б. Заходером. Не витает в них и «легкая грусть», за которую как будто слегка извиняется Кэрролл в (непереведенном Б. Заходером) стихотворении, открывающем «Алису».

В текст также внесено немаловажное композиционное изменение в виде «маленьких примечаний курсивом». Порой для большей ясности приводятся и пародируемые стихотворения - вдруг кто-нибудь да не узнал? Эти непосредственные обращения к читателю-ребенку, пояснения и замечания, создают не свойственную Кэрроллу игривую интонацию и

существенно меняют атмосферу книги. Нет больше слегка пугающего одиночества Алисы в странной стране, нет викторианского холодка и таинственного полумрака, чопорной отстраненности преподобного Доджсона. Переводчик привнес в «Алису» свет и ясность своего собственного творчества для детей, и читателю остается лишь недоумевать, что заставило американского писателя Рэя Бредбери сделать такое невероятное утверждение: «Страна чудес - это холодная овсянка, арифметика в шесть утра и нескончаемые уроки»... [3, 68-69].

А вот примеры небрежного отношения переводчиков к тексту из того же сборника «Альманах переводчика», но на этот раз из статьи Н. Семеновой «Пять переводов «Властелина Колец» Дж. Р.Р. Толкина»: «Перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого, а также перевод В.А.М. сильно сокращены по сравнению с оригиналом, пренебрегают значительной долей деталей и изобилуют не только «кальками» с английского языка, но и неудачными русскими эквивалентами. Из огромного количества примеров приведем лишь несколько: «толпа орков раздалась и кинулась в разные стороны»; «есть ли лечители в городе?»;

«в руинах гномьего государства гномью голову не так легко будет сбить с пути, как эльфийскую, человечью или хоббитскую»;

«всю долгую жизнь ты был мне другом и кое-что мне обязан»;

«гладкий стеклянистый шар».

Для всех трех переводов характерно небрежное отношение к деталям. Например, в оригинале Сэм в Мордоре предлагает замерзшему Фродо накинуть на оркские лохмотья эльфийский плащ, а в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого - наоборот: сначала эльфийский плащ, а «снаружи можно что-нибудь орочье надеть и поясом прихватить», - говорит Сэм. В том же переводе в главе «Снова дома» есть краткое описание Пиппина: «серебро и соболя гондорского воина заискрились на нем», где «соболя» - перевод английского *sable*, в оригинале означавшего геральдическое название черного цвета (цвета Гондора - черный и серебряный)» [12, 183-184].

Из современности перенесемся в недавнее прошлое, где некоторые переводчики также не отличались словесной и стилистической аккуратностью. В 1849 году А.В. Дружинин писал: «так, например, Раич, если не ошибаюсь, издал перевод Тассова «Освобожденного Иерусалима», в котором, чтобы передать стихами слова «Весь вспыхнув, Готфрид Бульонский бросился к храму», он употребил такое выражение:

Вскипел Бульон, течет во храм, -

Выражение, которое, кроме нестерпимо плохого стиха, имеет несчастье заключать в себе двусмысленность еще нестерпимейшую» [9, 298].

А.М. Горький в письмах к К. Чуковскому замечал:

«Вполне своевременно переизданная книжка об «Искусстве перевода», очевидно, не влияет на переводчиков, они свирепствуют, как привыкли:

«Жан жарко стал её обнимать».

«Захотел сам с собой».

«Только тут он заметил, что прошел мимо себя, и, быстро возвратясь, позвонил в дверь» [8, 302].

И, наконец, отрывок из знаменитой книги К.И. Чуковского «Искусство перевода», где в главе о текстуальной точности он критикует одного из переводчиков Ч. Диккенса - Иринарха Введенского:

«Никто не станет отрицать у Иринарха Введенского наличие большого таланта, но это был такой неряшливый и разнузданный (в художественном отношении) талант, что многие страницы его переводов - сплошное издевательство над Ч. Диккенсом.

Слово *speaker* он переводит: «самый громогласный оратор Нижней палаты», а между тем, наоборот, это самый тихий, молчаливый человек во всем парламенте, почти не произносящий ни слова: председатель Палаты общин.

Когда в детстве я читал «Копперфильда», я помню, меня очень взволновало, что этого мальчика чуть было не сослали на какой-то Ковентрийский остров. Мне чудилось, что Ковентрийский остров - нечто вроде Сахалина, гиблое место для каторжников. Я искал этот остров на

карте и не нашел его до нынешнего дня. Оказывается, Ковентри вовсе не остров, а прелестный городок в центре Англии. Выражение «послать в Ковентри» есть выражение фигуральное, а означает оно - «бойкотировать», «подвергнуть бойкоту». Маленький Давид опасался, что товарищи будут его бойкотировать, не пожелают с ним знаться. Иринарх же Введенский сделал из этого чудовищную фразу:

- Что если они, с общего согласия, отправят меня в *ссылку на Ковентрийский остров!*

Как будто школьники - коронные судьи, которые могут присудить человека к отбыванию каторжных работ!

Не зная английского, Иринарх Введенский не знает и русского. В его переводах встречаются истинные шедевры безграмотности.

Он, например, пишет:

- Это она *сделала скороговоркой*;

- Я *выглядываю* девочкой;

- Я *облокотился* головою;

- *Жесткосердные сердца* [14, 310, 312-313].

Примеры переводческих «ляпов» можно цитировать, к сожалению, бесконечно. Все они наглядно показывают, что суть «переводческих предательств» - в искажении текста оригинала. Анализ типических ошибок, возникающих в переводах студентов при слепом следовании тексту оригинала, позволил нам выделить следующие виды буквализмов и неточностей:

- семантические буквализмы и неточности¹:

Население *драматически* сокращается.

Именно в те *моменты* разбушевавшийся огонь потребовал *моментальных* решений

....посмотрел *перед* собой.

Президент ответил на вопросы корреспондентов во всех *деталях*.

Население *резко* сокращается.

Именно в те *минуты* разбушевавшийся огонь потребовал *молниеносных (мгновенных)* решений.

Посмотрел *вперед*.

Президент *подробно (обстоятельно)* ответил на вопросы корреспондентов.

¹ В левой колонке даются примеры из студенческих переводов. В правой – перевод, предложенный автором статьи.

- сочетаемостные буквализмы и неточности:

Натуральный газ (natural gas). *Природный* газ.

Общественный сад (public garden). *Городской* сад.

Быть в переделке (to be in a jam). *Попасть* в переделку.

Сделал услугу (to do a favor). *Оказал* услугу.

Он *приобрел знаменитость* (He became famous). Он *стал знаменитым (приобрел известность)*.

Он *не соответствует стереотипу об англичанах...* Он *соответствует стереотипному представлению об англичанах...*

- фразеологические буквализмы и неточности:

Выбиться из рук (to get out of hand). *Отбиться* от рук (но выбиться из сил).

Золотой юбилей (golden jubilee). *Пятидесятилетний юбилей* (но золотая свадьба).

Другая сторона медали (the other side of the coin). *Оборотная* сторона медали (но другая сторона вопроса).

- эмоционально-экспрессивные буквализмы и неточности:

В одной из передач программы “*Animal Planet*” прозвучало «Всегда есть *шанс*, что вас укусит змея». В русском языке слово «шанс» имеет положительную окраску и поэтому в данном случае лучше перевести английское “chance” русским «опасность» или «риск».

- синтаксические буквализмы и неточности:

Наводнение смыло 100 домов. В результате наводнения разрушено 100 домов.

- лексико-грамматические буквализмы и неточности:

Этот роман *остаётся* любим людьми *всех возрастов* и с наслаждением *читается* ими (пассив). Этот роман и сейчас любят люди разного возраста и с наслаждением его читают.

Они принимают активное участие в *процессе развития движения за сохранение состояния* окружающей среды (отглагольные существительные). Они активно участвуют / борются за сохранение окружающей среды.

- функционально-стилевые буквализмы и неточности:

Присутствие *смерти* ощущается так *живо*.

В результате наводнения 5 человек погибло и 150 осталось без *жилплощади*.

- корявые, запутанные или неясные фразы (по меткому выражению Н. Галь «туманное многословие»):

Основная цель изобретения машинного перевода заключалась в выяснении возможности переводить с помощью искусственного интеллекта.

Это явилось одним из главных обстоятельств, которые способствовали сокращению случаев заболеваемости СПИДом.

Присутствие *смерти* ощущается так *остро (сильно)*.

В результате наводнения погибли 5 человек и 156 остались без *крова*.

Человек изобрел машинный перевод прежде всего затем (для того), чтобы выяснить, можно ли переводить с помощью искусственного интеллекта.

Главным образом поэтому и сократилась заболеваемость СПИДом.

С.Я. Маршак, характеризуя отношения между автором и переводчиком, как-то заметил: перевод - это дитя любви. Прекрасные и удивительно мудрые слова, ведь каким бы арсеналом знаний, средств и советов не вооружались переводчики, перевод непременно зачахнет и получится серым и тусклым, если они не вложат в него свое сердце и душу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. - СПб.: Союз, 2001.-282 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учебное пособие. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004,- 353 с.
3. Борисенко А. Преемственность в переводе // Альманах переводчика. - М.: РГГУ, 2001.-С. 55-75.
4. Борисенко А. Песни невинности и песни опыта. О новых переводах «Вини-Пуха» // Иностранная литература, 2002. - №4. - С. 257-266.
5. Галь Н. Слово живое и мертвое. - М.: София, 2003. - 608 с.
6. Гарбовский Н.К. Герменевтический аспект перевода: типология ошибок понимания оригинального текста // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. - №1. - С. 7-24.
7. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Издательство Московского университета, 2004. – 544 с.
8. Горький А. М. Из письма к К. И. Чуковскому// Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс,1987. – С. 302.
9. Дружинин А. В. Из «писем иногородного подписчика»// Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: прогресс,1987.- С. 298-301.
10. Заходер Б. стихи и сказки. – М.: Детская литература, 1991.
11. Латышев Л. К., Провоторов В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе: Учебно-методическое пособие. – М.: НВИ-ТЕЗАУ-РУС, 2001. – 136 с.
12. Семенова Н. Пять переводов «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина// альманах переводчика.- М.: РГГУ, 2001.- С. 159-200.
13. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – СПб., М., 2002.- 414 с.
14. Чуковский К. И. Главы из книги «Искусство перевода»//Перевод-средствовзаимного сближения народов. – М.: Прогресс,1987. – С. 309-327.
15. Швейцер А. Д. Буквальный перевод и интерференция// Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз РАН, 1997. – с. 12-35.